На небо медленно, нехотя, выкатилась луна, заливая улицы призрачным серебристым светом. Проходя мимо ночного рынка, Шэнь Чан Ань не удержался от соблазна: ароматы, исходившие от многочисленных лотков с уличной едой, были настолько умопомрачительными, что он, не раздумывая, купил несколько десятков шашлычков – нанизанного на бамбуковые палочки мяса, овощей, грибов, всего, что попадалось под руку – и, счастливый, зашагал дальше, вдыхая пряный запах и предвкушая удовольствие.

Напевая под нос какую-то незамысловатую мелодию и помахивая коробочкой с дымящимися шашлыками, он свернул в безлюдный переулок – короткий путь к дому. И сразу же услышал звуки, от которых его настроение несколько испортилось: грубый хохот, улюлюканье, злые, насмешливые выкрики.

– Брат Шань, глянь, глянь! На этом калеке, оказывается, шмотки фирменные!

– Фирменные, не фирменные... Какая разница, если он даже ходить сам не может? Мужик, а ноги не работают! Увидит симпатичную девчонку – что делать будет? Сам подкатить не сможет, придётся ей к нему...

Голоса звучали всё ближе. Шэнь Чан Ань вышел из-за угла и увидел всю компанию в сборе: красные, зелёные, жёлтые и прочие разноцветные шевелюры, знакомые до боли. Те самые хулиганы, с которыми он уже имел удовольствие познакомиться пару недель назад.

– О, надо же, какие люди! – Шэнь Чан Ань лениво прислонился плечом к стене, снял очки и небрежно сунул их в карман, всем своим видом излучая расслабленное превосходство. – Какая неожиданная встреча.

Услышав этот голос, вся стая галдящих уток... то есть хулиганов, мгновенно заткнулась и замерла, будто громом поражённая. Их главарь, известный под кличкой "брат Шань", вздрогнул всем телом, и в голове его, словно молния, пронеслось воспоминание о кошмарном сне наяву, который случился с ним всего полмесяца назад.

– Б-б-босс! – Шань обернулся, мелко трясясь, и, увидев юношу, стоящего в лунном свете, едва не заикаясь, выдавил: – В-вы... Вы уже ужинали? С-с нами не хотите?

– Босс? – Шэнь Чан Ань насмешливо приподнял бровь и скользнул взглядом ниже пояса перепуганного главаря. – Хм... пожалуй, в чём-то ты прав. В некоторых местах я действительно "больше", чем ты. Намного.

Лицо брата Шаня вытянулось и застыло. Как мужик, он должен был бы оскорбиться до глубины души. Как мужик, он должен был бы немедленно броситься в драку, защищая свою честь.

Но вместо этого он... смолчал.

Шэнь Чан Ань медленно, шаг за шагом, приближался к сжавшейся в комок компании. Хулиганы так же медленно пятились назад, пока не упёрлись спинами в стену переулка. Со стороны это выглядело до ужаса нелепо: будто это не они, матёрые уличные бродяги, а какая-то стайка перепуганных барышень, загнанных в угол злодеем-насильником.

– Босс, честное слово! – в отчаянии взмолился брат Шань, и его зелёный чуб жалобно затрепетал на ветру, словно былинка. – Мы к бабам сегодня не приставали! Ни одной! Клянусь!

– К бабам не приставали, – спокойно констатировал Шэнь Чан Ань. – Значит, решили над инвалидами поиздеваться? Молодцы, нашли себе занятие по силам.

Он подошёл ближе и, наконец, разглядел того, кто сидел в инвалидном кресле, зажатый со всех сторон разноцветной толпой. И узнал его.

Тот самый мужчина, которого он провожал до дома. Дао Нянь.

Шэнь Чан Ань подошёл к креслу, опустился на одно колено, чтобы быть на одном уровне с сидящим, и внимательно, с профессиональной въедливостью, оглядел его, проверяя, нет ли синяков, ссадин, следов побоев.

– Господин Дао Нянь, – спросил он негромко. – Вы в порядке? Они Вас не тронули?

Красивые, нечеловечески красивые глаза мужчины медленно повернулись к нему, встретились с его взглядом... и медленно, с какой-то ленивой грацией, закатились.

"Это что значит? Тронули или не тронули?" – Шэнь Чан Ань вздохнул.

Он аккуратно повесил коробку с шашлыками на ручку инвалидного кресла, чтобы освободить руки, и, ободряюще улыбнувшись, сказал:

– Не бойтесь. Я с Вами. Разберёмся.

Дао Нянь снова посмотрел на него и медленно-медленно, одними уголками губ, чуть заметно улыбнулся в ответ.

"Эх, до чего же обидно", – подумал Шэнь Чан Ань, поднимаясь с колена. – "Что такой красивый мужчина – и такой беспомощный, прикованный к креслу".

Он повернулся к хулиганам, которые, воспользовавшись моментом, попытались тихонько, на цыпочках, улизнуть.

– Стоять, – негромко сказал Шэнь Чан Ань, начиная медленно закатывать рукава. – Ну что, господа хорошие, кто первый?

– Босс! – взвыл брат Шань, готовый разрыдаться от бессилия и ужаса. – Большой босс! Мы поняли, мы всё поняли! Мы больше не будем! Мы же его даже пальцем не тронули!

– Не тронули, – согласился Шэнь Чан Ань. – Или не успели тронуть? – он снова бросил взгляд на Дао Няня, который сидел в кресле абсолютно неподвижно, словно фарфоровая статуэтка. – Вы, здоровые лбы, пользуетесь тем, что у вас руки-ноги целы, и издеваетесь над тем, кому повезло меньше. Слыхали такую поговорку: "злые слова ранят человека – и даже в шестой месяц от них веет холодом " (1)? Знаете, что это значит?

Хулиганы отчаянно закивали, хотя вряд ли понимали хоть слово. В их понятии, быть хулиганом – это и значит творить всякие нехорошие, недопустимые вещи. Иначе какой же это хулиган?

Шэнь Чан Ань сжал кулаки и сделал шаг вперёд. Брат Шань, не выдержав этого зрелища, зажмурился и заорал дурным голосом:

– Не подходи! Я полицию вызову!

_____

1. □□□□□□□ (è’yánshāngrénliùyuèhán) – литературный перевод – "злые слова ранят человека – и даже в шестой месяц (самый жаркий период лета по лунному календарю) от них веет холодом" – классическая китайская поговорка, подчёркивающая разрушительную силу злых, жестоких слов. Выражает мысль, что словесные оскорбления могут причинить не меньшую боль, чем физическое насилие, и эта боль остаётся надолго.

http://bllate.org/book/16518/1503614